

Т. Н. Собољникова, А. В. Кузина, А. Р. Мухьярова, Ю. А. Сеньюрина

**Раскопки средневекового археологического комплекса
Чебачья Пристань 2 в низовьях Иртыша
(предварительные итоги полевых исследований 2016 года)¹³**

Аннотация. В полевом сезоне 2016 г. было продолжено изучение средневекового археологического комплекса Чебачья Пристань 2. Актуальность исследования обусловлена несколькими моментами: неравномерностью в археологическом исследовании обширной таёжной зоны Северо-Западной Сибири; слабой изученностью низовий Иртыша по сравнению с сопредельными районами, а также тем, что археологические памятники эпохи раннего средневековья имеют большое значение для реконструкции процессов этногенеза и истоков традиционной культуры современных этнических групп обских угров – ханты, манси.

В задачи полевых исследований входили: завершение работ на «законсервированных» участках раскопок 2014–2015 гг.; исследование культурного слоя одного из сооружений на территории поселения Чебачья Пристань 2, прилегающего к городищу с северной стороны; отбор серии проб и образцов для естественнонаучных исследований.

В статье представлены общая характеристика основных этапов раскопок, предварительный анализ полученных данных и коллекции артефактов. По итогам работ 2016 г. на территории археологического комплекса Чебачья Пристань 2 были получены новые материалы для реконструкции как отдельных сооружений, так и его общей планировки.

Ключевые слова: таёжная зона Западной Сибири, Нижнее Прииртышье, средневековье, городище, поселение, археологические раскопки, археологический микрорайон.

T. N. Sobolnikova, A. V. Kuzina, A. R. Mukhyarova, Yu. A. Senyurina

Excavation of the medieval archaeological complex Chebachya Pristan 2 in the lower reaches of the Irtysh river (preliminary results of field research in 2016)

Abstract. The study of medieval archaeological complex Chebachya Pristan 2 was continued in the field season of 2016. The relevance of the research is caused by several aspects: irregularity in the archaeological research of the vast taiga zone of North-Western Siberia; insufficient knowledge of the lower reaches of the Irtysh river in comparison with contiguous territories; archaeological monuments of the early middle ages have a great importance for the reconstruction of the processes of ethnogenesis and origins of traditional culture of the modern ethnic groups of the Ob Ugrians – Khanty and Mansi.

The objectives of the field research were: the completion of works on the "conserved" areas of excavations of 2014-2015; the study of the cultural layer of one of the buildings in the settlement Chebachya Pristan 2, which adjoins to the settlement on the North side; the selection of a series of samples and specimens for scientific research.

This article presents a general description of the main stages of excavation, a preliminary analysis of the data and the collection of artifacts. New materials for reconstruction of separate buildings and whole planning were got according to results of works in 2016 in the territory of the archaeological complex Chebachya Pristan 2.

Key words: taiga zone of Western Siberia, the Lower Irtysh, middle ages, sites, settlement, archaeological excavations, archaeological micro-district.

¹³Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (отделение гуманитарных и общественных наук РФФИ) и администрации ХМАО – Югры в рамках научного проекта № 16-11-86603/16

Раскопки 2016 г. на территории средневекового археологического комплекса Чебачья Пристань 2 (X–XII вв.), расположенного на западном берегу оз. Домашний Сор (низовья Иртыша, левобережная часть) в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры являются продолжением работ 2014–2015 гг. [1; 2].

Основной целью проведения комплексных археологических исследований данного памятника является формирование полноценного комплекса источников для изучения социально-политических и этнических процессов, реконструкции материальной и духовной культуры средневекового таежного населения левобережной части Нижнего Притышья.

В рамках настоящей статьи характеризуются основные этапы полевых исследований средневекового археологического ком-

плекса Чебачья Пристань 2 в 2016 г., а также некоторые заключения и предположения, сделанные в процессе полевых работ и первоначального анализа полученных данных.

Ключевыми задачами, которые были реализованы в рамках археологической экспедиции являлись:

1. Расконсервация и завершение работ на участках раскопок 2014–2015 гг. на территории городища Чебачья Пристань 2.

2. Исследование культурного слоя одного из сооружений на территории поселения Чебачья Пристань 2, прилегающего к городищу с северной стороны.

3. Отбор серии проб и образцов для естественнонаучных исследований (анализов): археозоологического, споро-пыльцевого и радиоуглеродного.

Археологические исследования городища Чебачья Пристань.

За два предшествующих сезона был изучен культурный слой на участке оборонительной системы (раскоп 2014 г.) и в восточной части площадки городища (раскоп 2015 г.). В силу разных обстоятельств, полевые работы не были завершены и отдельные сектора раскопок пришлось «законсервировать».

Раскоп 2014 г. размерами 4x10 м был заложен вдоль линии оборонительной системы (вал-ров) в юго-восточной части памятника, примыкающей к кромке террасы. Следует оговориться, что вся южная часть городища была серьезно нарушена лесовозными работами, которые проводились здесь в 1980-х гг. [3]. К началу проведения стационарных исследований поверхность в этой части памятника была почти полностью сnivelирована, ров со стороны берега озера практически не был замечен в современном рельефе. Его очертания впервые были зафиксированы на уровне -0,8 м от современной поверхности. Однако, из-за высокого уровня грунтовых вод, исследования культурного слоя на этом – наиболее низком участке раскопа – были приостановлены. Аналогичная ситуация не позволила закончить работы и в следующем полевом сезоне – в 2015 г.

В 2016 г. уровень грунтовых вод существенно снизился, что позволило нам завер-

шить исследования на этом участке. После расконсервации раскопа 2014 г. и продолжении раскопок, выяснилось, что его мощность невелика – до 0,20–0,25 м. Артефактов в его заполнении найдено немного – несколько фрагментов керамики и костей млекопитающих. В юго-восточном углу раскопа были расчищены остатки нескольких обгоревших деревянных жердей шириной 9–13 см, которые располагались перпендикулярно границе рва. На материковой зачистке фиксировались контуры еще одной «плашки» (70x12 см), а также столбовая ямка подквадратной формы (12x14 см). Следует обратить внимание на то, что ямки аналогичных и меньших размеров были зафиксированы на участке, прилегающем ко «рву» в раскопе 2014 г.

Таким образом, с учетом новых данных, полученных в 2016 г., можно констатировать, что в раскопе 2014 г. нами были зафиксированы границы не рва, а какого-то другого сооружения – возможно деревянного настила или «пристани». На более высоком участке, прилегающем к валу, откос берега дорабатывался (прокапывался) почти под прямой угол. Кроме того, мостки дополнительно укреплялись вертикальными жердями, которые могли по мере необходимости меняться (так можно объяснить отсутствие упорядоченности в расположении столбовых ямок).

Вторым участком, на котором предстояло завершить работы в 2016 г., являлся северо-восточный сектор раскопа 2015 г., заложенного на площадке городища. Поверхность ее также была повреждена разездами тяжелой гусеничной техники. Основной целью полевых исследований 2015 г. было изучение постройки, угол которой был выявлен еще в 2014 г. В процессе выборки культурного слоя и расчистки сохранившихся деталей деревянных конструкций, стало очевидным, что данное сооружение было уничтожено в результате пожара (рис. 1-1). По всему периметру постройки располагались обугленные плахи – остатки стен, верхнего перекрытия, столбов и т. д. [2]. Плохие погодные условия не позволили выполнить весь намеченный объем работ. Исследование северо-восточной части постройки было продолжено в 2016 г.

Учитывая тот факт, что в границы раскопа 2015 г. не «попала» северная стена сооружения, было решено увеличить северо-восточный сектор раскопа, «прирезав» к нему еще одну линию общей площадью 10 м². Контуры жилища были зафиксированы на уровне -0,4–0,5 м от уровня современной поверхности. Заполнение постройки представляло собой плотный гумусированный (с углями и остатками деградированной древесины) слой мощностью от 0,35 м (в центральной части) до 0,80 м (ближе к стенам сооружения).

Несмотря на то, что большая часть постройки была изучена в прошлом сезоне и мы имели представление о ее конфигурации и размерах, в 2016 г. не обошлось без сюрпризов. В северо-восточной части сооружения, над деревянными конструкциями, был расчищен плотный светло-коричневый слой мощностью до 0,15–0,22 м, включающий в себя большое количество органических остатков растительного происхождения. В процессе его просеивания и промывания были обнаружены мелкие кости рыбы, позвонки и чешуя. Пока сложно сказать, что представляет собой этот слой. Можно предположить, что это остатки верхнего покрытия (например, дерна), но почему тогда подобный слой не фиксировался на других участках? Или, почему в нем содержатся остатки рыбы? Образцы

слоя были отобраны для лабораторного изучения, возможно после проведения специальных анализов можно будет сделать более определенные заключения по этому поводу.

Также, как и в предыдущем году, остатки деревянных бревен и плах не разбирались до окончательной выборки окружающего их заполнения жилища и насыпи. Такой подход позволяет в итоге получить целостное (насколько это возможно) и наглядное представление о конструктивных особенностях сооружения. В результате кропотливой работы были расчищены остатки северной и восточной стен постройки. Следует отметить, что их сохранность была намного лучше, чем у южной и западной стен жилища, исследованных в прошлом году. Это обстоятельство позволило нам получить больше данных для реконструкции внешнего вида постройки.

Особенно хорошо сохранился участок восточной стены, вдоль которой был расчищен целый ряд из колотых досок, перпендикулярно вкопанных в грунт на 0,3 м и плотно прилегающих друг к другу (рис. 1-2, 1-3). Они имели примерно одинаковые параметры: шириной в среднем 30 см, толщиной 2–3 см, в длину – до 30–40 см. Вкопанные остатки досок почти не обгорели, на некоторых из них сохранилась кора. Внутри периметра постройки также были расчищены отдельные элементы деревянных конструкций. Часть из них лежала горизонтально вдоль стен сооружения, другие – перпендикулярно им. Кроме того, в процессе работ 2016 г., удалось установить, что в северо-восточной части постройки находился коридорообразный выступ шириной 1,1 м, длиной (в границах раскопа) 2,0 м, направленный к краю площадки, за которым почти сразу начинается спуск в ров. Функциональное назначение выступа пока непонятно. Возможно это еще один «вход» в постройку, помимо «входа» в западной стене сооружения, зафиксированного в 2015 г.

Увеличение площади раскопа в 2016 г. позволило более основательно исследовать насыпь, окружающую площадку городища. В северной и восточной частях она почти вплотную подходила к стенам сооружения.

Мощность ее по северной стенке составляла до 80 см, по восточной – до 65–70 см. В стратиграфии насыпи четко прослеживались два слоя, отделяемые друг от друга прерывистыми тонкими линзами темно-серого цвета (погребенный дерн?). Данная картина, по всей видимости, отражает этапы усиления насыпи с помощью дополнительной подсыпки грунта.

Слой погребенного дерна, на котором собственно возводилась постройка, хорошо фиксировался в стратиграфии стенок раскопа, что позволило наглядно представить контур поверхности террасы на момент сооружения на ней городища. Кроме того, в стратиграфических и планиграфических срезах были зафиксированы две узкие «канавки» шириной 20–40 см, глубиной до 0,5–0,6 м, расположенные перпендикулярно друг другу. По аналогии с исследованными памятниками Нижнего и Сургутского Приобья, их можно интерпретировать как остатки частокола или бревенчатой стены [4, 369]. По мнению исследователей, в эпоху раннего средневековья «основным оборонительным элементом выступает вал, точнее

расположенные на нем частокол или стена, так как на поверхности вал в основном не превышает 2,5–3,0 м, высота едва достигает метра: сама по себе насыпь не представляет серьезного препятствия» [4, 417].

Что касается распределения находок, то в распределении их в границах раскопа прослеживаются определенные закономерности: наибольшее их количество было обнаружено в заполнении жилища; в насыпи артефактов содержалось немного, располагались они преимущественно в верхних слоях. Особо хотелось бы обратить внимание на то, в верхних слоях насыпи, вместе с другими находками были обнаружены толстостенные черепки, орнаментированные характерными отступающе-накольчатыми волнистыми линиями. Данное обстоятельство еще раз подтвердило тот факт, что средневековое сооружение было возведено на месте более раннего неолитического жилища, частично разрушив его при этом [2, 163]. По всей видимости, грунт для подсыпки стен постройки был взят с одного из таких участков.

Общая характеристика коллекции артефактов с городища Чебачья Пристань 2, полученной в 2016 г.

К массовым категориям находок относятся фрагменты глиняной посуды и остеологические остатки, что вполне традиционно для раннесредневековых поселенческих памятников таежной зоны Западной Сибири. Керамическая коллекция представлена в подавляющем большинстве фрагментами средневековой посуды, аналогичной той, что была обнаружена при раскопках городища в 2014–2015 гг. [1, 2]. Также были обнаружены единичные фрагменты керамики эпохи неолита и раннего железного века.

Среди индивидуальных находок – изделия из металла, кости, глины и камня. Остановимся подробнее на характеристике наиболее интересных из них.

В 2016 г. в заполнении постройки на городище было найдено целое глиняное пряслице округлой формы со сквозным отверстием в центре, декорированное «звездчатым» резным орнаментом (рис. 2-9). Наиболее близкие аналогии изделие нахо-

дит в материалах более южных памятников таежного Прииртышья (потчевашской, усть-ишимской культур) [5, 325].

Изделия из металла представлены единичными экземплярами орудий: наконечником стрелы, миниатюрным ножом и шилом (рис. 2-5, 2-6, 2-8). Наибольший интерес представляет наконечник в форме двурогого срезня без упора для древка с плоским сечением (рис. 2-5). Наконечник указанного типа обнаружен на памятнике впервые за время исследований, хотя, в целом, срезни широко известны на территории Западной Сибири. Самые ранние найдены на могильнике Барсовский V (VI–VII вв.), а наиболее поздние встречаются в этнографических коллекциях конца XIX–начала XX вв. [6, 67–70]. Небольшие размеры (длина 5 см, ширина в основании 1,6 см; толщина – 0,2 см) и вес могут указать на то, что наконечник использовался при

добыче мелкого пушного зверя и птицы (зайцев, лис, уток и др.) [7, 182].

Среди изделий из кости в коллекции 2016 г. преобладают наконечники стрел. По способу насада на древко все наконечники относятся к отделу черешковых. По форме и сечению пера можно выделить три типа:

Тип 1 (2 экз.). Наконечники с пером ланцетовидной формы ромбического сечения с выделенными плечиками и уплощенным черешком (рис. 2-1, 2-2).

Тип 2 (2 экз.). Наконечники с пером подовальной формы линзовидного сечения без выделенных плечиков (рис. 2-3).

Тип 3 (1 экз.). Двухшипный наконечник с удлинённо-треугольным пером ромбического сечения (рис. 2-4).

Костяные наконечники стрел широко представлены в таежных памятниках X–XIII вв. н. э., для них характерны «широкая вариабельность форм и размеров наконечников» [8, 138]. Подобные наконечники встречаются в памятниках устьишимской культуры X–XIII вв. Среднего Прииртышья [8, 46, 85], рёлкинской культуре Среднего Приобья [5, 344]. Наиболее близкие аналогии согомским наконечникам прослеживаются с материалами городища Ендырское I (Эмдер) в Нижнем Приобье [6, 73].

Среди изделий из кости, обнаруженных в раскопе 2016 г. особого внимания заслуживают астрагалы (таранные кости) бобра со следами сверления отверстий (2 экз.) (рис. 2-7). Подобные изделия чаще всего интерпретируются в литературе как подвески или амулеты. Некоторые исследова-

тели предполагают, что они являются игральными костями [9, 49]. Такого рода находки в большом количестве были встречены при раскопках средневековых памятников Сургутского и Нижнего Приобья (городища Ендырское I (Эмдер), Перегребное I; могильник Сайгатинский I), известны они и в других регионах – верхнем Прикамье, Поволжье и др. [6, 75].

Итак, предварительно оценивая итоги полевых исследований 2016 г. на городище можно отметить, что в их результате:

1. Установлены точные параметры постройки № 1 – 8х7 м, а также, выявлены отдельные детали ее планировки и внутреннего интерьера.

2. Выявлены новые данные по планировке оборонительных сооружений на городище. В частности, можно утверждать, что ров не оконтуривал площадку городища со стороны берега озера (как это полагалось предшествующими исследователями).

3. Получена коллекция артефактов, дополнившая материалы прошлых лет. Так, к примеру, в 2016 г. существенно больше (по сравнению с 2014–2015 гг.) было найдено орудий, связанных с охотой – наконечников стрел из кости и металла.

Для интерпретации полученных данных и реконструкции внешнего облика сооружений необходимо проведение тщательного сопоставления материалов раскопок за все три года исследований, а также проведение дополнительных естественно-научных анализов, пробы для которых были собраны во время экспедиции.

Археологические исследования поселения Чебачья Пристань 2.

Ранее нами на основе планиграфических особенностей было сделано предположение о том, что поселение и городище являются единым комплексом [2]. В текущем полевом сезоне была поставлена задача по исследованию одного из объектов, расположенных на территории поселения Чебачья Пристань 2. Раскоп размерами 6х8 м был заложен на объекте № 4 – крайнем в северо-западной части поселения. В современном рельефе он фиксировался в виде впадины подквадратной формы 4х4 м, окруженной по периметру насыпью

шириной 2,3–2,8 м, высотой до 0,3–0,4 м. Перепад высот между центром и поверхностью впадины за пределами насыпи составлял 0,2 м. По внешнему контуру обваловки впадины фиксировалось шесть ям вытянутой формы, размеры которых варьировали от 1,5х1,3 до 1,8х2,3 м; глубина – 0,3–0,4 м. В границах раскопа была изучена одна из них, расположенная в 2,0 м к западу от впадины.

К сожалению, площадка поселения очень сильно поросла деревьями и кустарниками, в связи с чем некоторые участки

раскопа пришлось исключить из площади выборки. Кроме того, разветвленная корневая система серьезно деформировала отдельные стратиграфические срезы. В связи с этим, учитывая небольшие размеры сооружения и мощность культурного слоя, не было возможности проследить отдельные нюансы и конструктивные особенности.

В месте расположения постройки мощность слоя составила всего 0,20–0,28 м, за периметром постройки еще меньше – до 0,1–0,15 м. На некоторых участках раскопа культурный слой вообще не выражен. Очертания постройки (хотя и очень размытые) появились на планиграфическом срезе практически сразу после снятия дернового слоя – в виде пятна подквадратной формы размерами 3,6х3,8 м. В центральной части располагалось небольшое кострище, практически не углубленное в грунт. Вокруг него зафиксировано несколько столбовых ямок разных размеров (от 0,1х0,1 м до 0,18х0,20 м). «Вход» в постройку в процессе полевых исследований зафиксировать не удалось. Возможно, он располагался с восточной стороны, где контур сооружения был сильно «испорчен» выворотнем от пня.

В процессе исследования ямы, расположенной с западной стороны от впадины, выяснилось, что она имела хозяйственное назначение. Ее заполнение ямы представляло собой плотную спрессованную массу (мощностью до 0,3 м), состоящую из костей рыбы разных размеров, чешуи, позвонков и т. д. При расчистке она хорошо отделялась от окружающего ее заполнения межжилищного пространства. Традиционно, происхождение подобных ям в литературе объясняется тем, что из них брался грунт для подсыпки стен построек, что, однако, не исключает того, что они могли впоследствии использоваться как хозяйственные.

Общее количество находок на поселении не столь значительно как на городище. В основном это фрагменты керамики, которые локализовались, как правило, группами или скоплениями. По венчикам было выделено около 50 сосудов, среди которых, на основе декоративных особенностей (орнаментальной композиции и составляющих ее элементов) нами условно выделено две

группы. Сосуды первой группы (67 %) представлены преимущественно горшками со слабопрофилированной шейкой (высотой до 4,5 см) и округлым дном. Диаметр по устью составляет от 12 до 37 см; толщина стенок – от 0,3 до 0,5 см. Основным мотивом, занимающим центральную часть шейки сосудов, являлись наклонные линии, состоящие из оттисков гребенчатого, гладкого или скобчатого штампа (рис. 3-3, 3-4). Иногда, вместо мотива из наклонных линий, использовался узор, состоящий из заштрихованных ромбов (при этом ромбы не имеют внешнего контура и состоят из оттисков штампа). Среди других особенностей первой группы сосудов можно отметить разнообразное оформление венчиков (прямые, округлые, волнообразные и др.) и наличие «карнизика» в верхней части шейки (у 42% сосудов группы), выполненного с помощью разных технических приемов формовки (путем накладывания жгутика (налепа) или прочерчивания двух глубоких бороздок). Ко второй группе (32 %) отнесены сосуды, у которых преобладающим орнаментальным мотивом являются монотонные горизонтальные линии из прямых или наклонных оттисков короткого гребенчатого и гладкого штампов (рис. 3-5). Орнамент сосредоточен преимущественно в верхней части сосудов, в единичном случае – по тулову расположены вертикальные линии из оттисков уголка штампа. Что касается других характеристик, можно отметить, что сосуды второй группы отличаются от сосудов первой группы несколько меньшими размерами (диаметр венчиков по устью составляет от 11 до 23 см, толщина стенок 0,3–0,5 см). Кроме этого, среди сосудов рассматриваемой группы, наряду с горшками со слабопрофилированной шейкой (высотой до 5,0 см), выделено несколько сосудов баночной формы.

В целом, полученная при раскопках поселения керамика абсолютно идентична посуде городища Чебачья Пристань 2 [1]. В то же время, по декоративно-морфологическим и технологическим характеристикам она выглядит более однородной, чем керамика, обнаруженная на городище. Также отметим, что в коллекции артефактов, помимо керамики есть еще несколько скребков из стенок сосудов, один дисковидный каменный скребок (рис. 3-

1, 3-2, 3-6, 3-7) и практически отсутствует остеологический материал (всего 2 образца).

В целом, по итогам полевого этапа работ 2016 г. на поселении можно сделать следующие заключения и предположения:

1. Исследованную постройку по типу конструкции можно отнести к каркасно-столбовым сооружениям. Подобные по своей форме, небольшие по площади наземные постройки с открытым кострищем в центре являются типичными для раннего средневековья и широко распространены в таёжной зоне Западной Сибири [1, 416; 10, 95].

2. Незначительная мощность заполнения жилища и очага, а также, немногочисленность находок и однородность керамической посуды позволяют нам предположить, что данный объект использовался сезонно и непродолжительное время. По мнению исследователей, слабая насыщенность культурного слоя, «зачастую локализованного и ограниченного по площади вокруг очагов», отсутствие следов деятельности годичного цикла являются характерным признаком сезонных построек [11, 44].

Таким образом, в полевом сезоне 2016 г. нами был получен обширный корпус источников по раннесредневековой археологии

Нижнего Прииртышья. В процессе исследования «законсервированных участков» на городище Чебачья Пристань 2 были получены новые данные для реконструкции внешнего облика оборонительных сооружений и постройки, занимающей восточную часть площадки. Раскопки одной из впадин на территории поселения Чебачья Пристань 2 подтвердили его связь с городищем. По своему функциональному назначению объект являлся сезонной постройкой, скорее всего, хозяйственного назначения.

В 2016 г. в ходе раскопок на поселенческом комплексе Чебачья Пристань 2 были взяты образцы угля, дерева и почвы для проведения в дальнейшем естественнонаучных анализов (радиоуглеродного, споропыльцевого, археозоологического). Комплексный анализ всего корпуса источников позволит уточнить сделанные в процессе полевых работ предположения и гипотезы относительно планировки и функционального назначения построек, их конструктивных особенностей; выйти на новый уровень интерпретации данного памятника, его места в рамках Согомского археологического микрорайона.

Литература

1. Кузина, А. В. Археологические исследования средневекового городища Чебачья Пристань 2 в низовьях Иртыша [Текст] / А. В. Кузина, Т. Н. Соболенкова // Вестник угроведения. – 2015. – № 2 (21). – С. 112–127.
2. Кениг, А. В. Археологические исследования городища Чебачья Пристань 2 в Нижнем Прииртышье (предварительные итоги полевого сезона 2015 года) [Текст] / А. В. Кениг, А. В. Кузина, Ю. А. Сенюрина, Т. Н. Соболенкова // Вестник Угроведения. – 2015. – № 4 (23). – С. 162–166.
3. Поршукowa, Н. Ю. Отчет о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области по «Открытому листу № 702» (форма № 2), выданному ОПИ ИА АН СССР 4 июля 1989 г. [Текст] / Н. Ю. Поршукowa. – Тобольск: Архив ИА РАН. – 1991. – Р–1. – № 14013. – 29 с.
4. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири [Текст] // Поселения и жилища. – Т. 1. – Кн. 1. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 485 с.
5. Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья [Текст]. – М. : Наука, 1987. – 510 с.
6. Зыков, А. П. Древний Эмдер [Текст] / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров. – Екатеринбург : Волот, 2001. – 320 с.
7. Боброва, А. И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе [Текст] / А. И. Боброва, Ю. И. Ожередов, О. М. Рындина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – 412 с.
8. Конилов, Б. А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. [Текст] / Б. А. Конилов. – Омск : ОГПИ, 1993. – 224 с.
9. Адамов, А. А. Город Тобольск. Археологический очерк [Текст] / А. А. Адамов, И. В. Балонов, П. Г. Данилов. – Тобольск : Типография ООО Западно-Сибирская консалтинговая компания, 2008. – 114 с.
10. Зыков, А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время [Текст] / А. П. Зыков. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. – 232 с.

11. Морозов, В. М. Древнее поселение в бассейне р. Пим (краткий археологический очерк) [Текст] / В. М. Морозов, Ю. П. Чемякин // Учебное пособие по археологии и краеведению. – Сургут : ИИЦ СурГУ, 1997. – 73 с.

References

1. Sobolnikova T. N., Kuzina A. V. *Arheologicheskie issledovaniya srednevekovogo go-rodishha Chebach'ja Pristan' 2 v nizov'jah Irtysha* [Archaeological research of the medieval settlement Chebachya Pristan 2 in the lower reaches of the Irtysh river]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2015, no. 2(21), pp. 112–127.
2. Sobolnikova T. N., Kuzina A. V., Kenig A. V., Senyurina Yu. A. *Arheologicheskie is-sledovaniya gorodishha Chebach'ja Pristan' 2 v Nizhnem Priirtysh'e (predvaritel'nye itogi polevogo sezona 2015 goda)* [Archaeological research of the settlement Chebachya Pristan 2 in the Lower Irtysh (preliminary results of the field season of 2015)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2015, no. 4 (23), pp. 162–166.
3. Porshukova N. Yu. *Otchet o razvedochnyh rabotah v Hanty-Mansijskom rajone Tjumen-skoj oblasti po «Otkrytomu listu № 702» (forma № 2), vydannomu OPI IA AN SSSR 4 ijulja 1989 g. – Tobol'sk, 1991* [Report on exploration in the Khanty-Mansiysk district of Tyumen region on "Open sheet No. 702" (form No. 2) issued by the DFR AS of the USSR on 4 July, 1989 – Tobolsk, 1991]. *Arhiv IA RAN* [Archive of IA RAN]. R-1. No. 14013. 29 p.
4. *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoj Sibiri. T.1. Kn.1. Poselenija i zhilishha* [Essays on cultural genesis of the peoples of Western Siberia. Vol.1. B.1. Settlements and dwellings]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1995. 485 p.
5. *Arheologija SSSR. Finno-ugry i balty v jepohu srednevekov'ja* [Archaeology of the USSR. Finno-Ugrians and Balts in the middle ages]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 510 p.
6. Zykov A. P., Koksharov S.F. *Drevnij Jemder* [Ancient Emder]. Ekaterinburg: «Volot» Publ., 2001. 320 p.
7. Ryndina O. M., Bobrova A. I., Ozheredov Yu. I. *Hanty Salymskogo kraja: kul'tura v ar-heologo-jetnograficheskoy retrospective* [The Khanty of Salym region: culture in archaeological and ethnographic perspective]. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta Publ., 2008. 412 p.
8. Konikov B. A. *Taezhnoe Priirtysh'e v X-XIII vv. n.je.* [Taiga Irtysh region in X-XIII centuries BC]. Omsk: OGPI Publ., 1993. 224 p.
9. Adamov A. A., Balyunov I. V., Danilov P. G. *Gorod Tobol'sk. Arheologicheskij ocherk* [Tobolsk. Archaeological essay]. Tobolsk: tipografija OOO «Zapadno-Sibirskaja konsaltingovaja kompanija» Publ., 2008. 114 p.
10. Zykov A. P. *Barsova Gora: ocherki arheologii Surgut'skogo Priob'ja. Srednevekov'e i novoe vremja* [Barsova Gora: essays on the archaeology of the Surgut Ob region. The middle ages and modern times]. Ekaterinburg: «Ural'skij rabochij» Publ., 2012. 232 p.
11. Morozov V. M., Chemyakin Yu. P. *Drevnee poselenie v bassejne r. Pim (kratkij arheo-logicheskij ocherk). Uchebnoe posobie po arheologii i kraevedeniju* [Ancient settlement in the basin of the river Pim (brief archaeological essay). Textbook on archeology and local history]. Surgut: IIC SurGU Publ., 1997. 73 p.

Рис. 1. Городище Чебачья Пристань 2. 1 - общий вид на юго-восточный угол сооружения и сосуды, обнаруженные в процессе раскопок (фото 2015 г.); 2 - вид на северо-восточный угол сооружения (фото 2016 г.); 3 - элементы деревянных конструкций (восточная стена сооружения).

Рис. 2. Городище Чебачья Пристань 2. 1-4 - наконечники стрел (кость); 5 - наконечник стрелы (металл); 6 - миниатюрный нож (металл); 7 - подвеска или игральная кость; 8 - шило (металл); 9 - глиняное пряслице.

Рис. 3. Поселение Чебачья Пристань 2. 1-2, 7 - глиняные скребки; 3-4 - фр-ты керамических сосудов (I группа); 5 - фр-т керамического сосуда (II группа); 6 - каменный скребок.